

18+

Александр Бутенин

АЛКОГОГОЛЬНЫЙ СИНДРОМ

Нечеткие стихи

Александр Бутенин

**АлкоГогольный
синдром. Нечеткие стихи**

«Издательские решения»

Бутенин А.

АлкоГогольный синдром. Нечеткие стихи / А. Бутенин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987694-2

Стихи в этом сборнике посвящены поэтам, писателям, историческим деятелям и событиям прошлого. Адская смесь, которая, несомненно, заинтересует любознательных читателей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-987694-2

© Бутенин А.
© Издательские решения

Содержание

АлкоГогольный синдром	6
Проездом из Ясной Поляны	9
Пушкин на прогулке	10
Друг Дельвиг	11
Баденвайлер, душный номер	12
Играли мы в рулетку с Достоевским	14
Зеленоглазая Инесса	15
Конец конкистадора	17
Двуликий Клаус	19
Точка невозврата – 26 января 1837 года	21
Перед дуэлью	22
За городом у Черной речки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

АлкоГогольный синдром Нечеткие стихи

Александр Бутенин

© Александр Бутенин, 2020

ISBN 978-5-4498-7694-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АлкоГогольный синдром

Кто подскажет: пить осталось много ль?
Скоро ль приберут меня к рукам?
Мне вчера во сне явился Гоголь
и сказал: – пойдём по кабакам?

Был он в коверкотовой шинели,
в сапогах, уже хлебнувших луж.
Сверток нес под мышкой еле-еле:
том второй, наверно, «Мертвых душ».

– Ненадолго, Саш, всего на часик,
чтобы печень сильно не сажать.
Господи, родной, живой наш классик
хочет выпить. Как не поддержать?!

Радости во взгляде не скрывая,
(мне собраться – пояс затянуть),
с Гоголем приятельски болтая,
быстрым шагом мы пустились в путь.

Обсуждая встречи предпосылки,
с нашим выдающимся творцом
мы хватили в рюмочной горилки,
закусив соленым огурцом.

Заказали снова граммов двести,
и под них – мясное ассорти.
Не сиделось Гоголю на месте,
он хотел весь Невский обойти.

Вот подвальчик зазывает дверью
всех друзей веселья и проказ.
А внутри уютно, в это верю я.
Мы вошли и сделали заказ.

К нам за стол подсели две молодки,
и, покуда я считал ворон,
Гоголь опрокинул рюмку водки
и умял тарелку макарон.

– Глянь, под потолком кружатся эльфы,
крылья отморозив под пургой.
– Ой, а можно с Вами сделать сэлфи,
Николай Василич, дорогой?

Но сквозняк колышет занавески,

словно выражая свой протест.
Снова мы пошли проспектом Невским
в поисках дальнейших злачных мест.

Нас опять безудержно манили
рестораны, бары, погребки.
На Садовой бехеровку пили,
на Перинной ели шашлык.

На Казанской нам налили шнапса,
а на Мойке бренди и коньяк.
В стадии алкогольного коллапса
Гоголь на руках моих обмяк.

Вдруг, остановившись на распутье,
и перекричав собачий лай,
Он спросил: а кем у вас тут Путин?
Я сказал, что, типа, Николай.

Наконец, мы с Невского свернули
и пустились Малою Морской,
где в очередной шалман нырнули,
тут промолвил Гоголь мне с тоской:

– На сегодня хватит возлияний,
по последней стопке и айда!
Сколько мыслей, чувств, воспоминаний
будит в людях Невский, господа!

К Гоголю хотел я обратиться
с просьбой, мол, прочти мои стихи,
но в его глазах двоились лица,
и его пробило на хи-хи.

Взяв щепотью квашеной капусты,
похрустев и спрашивая счет,
он сказал: – не будем об искусстве.
Славно пьешь, чего ж тебе еще?!

***

Я очнулся в бешеном ознобе.
Слава богу, это был лишь сон!
До чего допиться я способен,
стало быть, привиделся мне ОН.

Чудом не хватил меня кондратий,
тело все трясется и дрожит.
Что в углу лежит там на кровати?

...Это... сверток Гоголя лежит...

Проездом из Ясной Поляны

В квартире нашей на постой
остановился Лев Толстой.
Он был косматый и седой,
спросил: – а как у вас с едой?
Я вспомнил – он не мясоед,
и предложил: – есть винегрет,
еще салат из лебеды...
– Не надо этой ерунды! —
таков Толстого был ответ.
Пожал плечами: нет, так нет.
– А что тогда подать Вам, граф?
– Сейчас решу. Откройте шкаф.
Вы разогрейте мне битков
и охладите водки штоф.
Затем сказал мой визави:
– Бегу из Ясной от Софи.
С ней, как на каторге, она
мне не давала пить вина,
таскала мясо из борщей,
устал от этих овощей,
на жизнь ссужала мне гроши,
и все зудит: – пиши, пиши!
Притом друзей моих кляня,
короче, довела меня.
Дразнила: «хренов духобор»,
ведь это, право, перебор.
Я прыгнул в поезд и ту-ту!
Позвольте остаться тут?
И вперил взгляд свой, что кинжал,
конечно, я не возражал.
Мы мирно ужинали, вдруг,
раздался в дверь негромкий стук.
В глазах Толстого был вопрос.
А женский голос произнес:
– Лев Николаевич, прости!
Софью Андреевнупусти!
Украдкой я подумал вздор:
вам что здесь, постоянный двор?
Но тут, ругаясь и ворча,
писатель задал стрекача,
да так, что след его простыл.
Как это трудно – быть Толстым.

Пушкин на прогулке

Поэт идет по Инженерной
по направлению к манежу.
Табачный пепел на манишке,
сигара новая в зубах.
Походкою не слишком верной
перемещается, понеже
ночь напролет играл в картишки
и проигрался в пух и прах.

На голове его цилиндр,
волос курчавых завитушки,
раскрыты бакенбардов крылья,
в руках ореховая трость.
Он не какой-нибудь Макс Линдер,
он – Александр Сергеич Пушкин —
поклонник женщин, враг насилия
– изящен, легок, весел, прост.

Обедал нынче у Талона,
где завезли остендских устриц.
Он проглотил их пару дюжин,
запив бутылкою сабли.
А петербургские вороны,
кружа над лабиринтом улиц,
нахально промышляют ужин,
поскольку сильно на мели.

Поэта взор слегка рассеян,
прогулка выйдет небольшою.
Мысль о долгах гнетет как туча,
достали цензоры и царь.
Великосветских фарисеев
он презирает всей душою.
Россия всё-таки дремуча.
– Где люди? Дайте мне фонарь!

Он до Плетнёва и обратно,
его рад видеть невский город,
ему целуют нежно плечи
каштанов листья, ветки ив.
И, согласитесь, так приятно,
что Александр Сергеич молод,
судьбой пока не покалечен,
здоров и бодр, талантлив, ЖИВ.

Друг Дельви́г

Вот Антон Антоныч Дельви́г,
его знает целый свет.
Сибарит, но не бездельник,
а чиновник и поэт.
Он влетел в литературу
на поющем соловье.
Был в кулинарии гуру,
и прекрасным сомелье.
Для него сам Пушкин – Саша,
однокашник и дружок.
Их связали лира, чаша,
поэтический кружок.
Был помощником Крылова,
потрудился в МВД,
но его тянуло к слову,
как амфибию к воде.
Мог плодов большую кучу
он собрать со всяких нив,
и такого отчебучить,
если б не был так ленив.
Ездил к девкам, шлялся где-то
среди форменных оторв,
и журил его за это
шеф жандармов Бенкендорф.
Был друзьям душевно предан,
а ведь это не пустяк,
принимал гостей по средам
обаятельный толстяк.
Жил, в интригах не запачкан,
любознателен и тих.
Умер от «гнилой горячки»
(с древнегреческого – тиф).
Завещал жене уныло,
чтобы не было беды,
руки мыть дегтярным мылом,
и не пить сырой воды.
Суждена была поэту
несчастливая стезя.
Вот, живешь так, раз – и нету...
Жалко Дельви́га, друзья.

Баденвайлер, душный номер

Баденвайлер, душный номер,
тяжкий кашель, тишина...
– Постоялец нынче помер,
молвит повару жена.
– Врач курорта Шверер Эрик
был при этом у него.
Обошлось не без истерик,
у жены, не самого.
Сам лежал под одеялом
бледен, вымучен и худ.
Не расстроился нимало...
– Все когда-нибудь помрут.
– Высох весь, как ветка вербы,
взяв шампанского бокал,
осушил до дна. – Ich sterbe —
произнес и замолчал.
Из бедняги дух и выпер...
– Да, хорошие дела!..
Что супруга, фрау Книппер?
– Ничего не поняла.
Билась бабочка ночная
с шумом о стекло окна,
ее тщетно прогоняя,
время тратила она.
В тишине раздался выстрел —
из бутылки в потолок
пробка вылетела быстро
и упала на порог.
– Он откуда? – Из России.
Там писателем он был.
– Что, еще не выносили
труп из номера? – Нет сил.
Ждет работников хозяин,
недовольный, будто черт:
«– Сей покойный русский барин
испоганил наш курорт,
до конца сезона – точно.
Надо этот труп теперь
отправлять в Россию срочно.
Сколько денежных потерь!»
– Что подать на завтрак фрау,
раз уж все еще не спит?
– Две бриоши и какао,
если будет аппетит.
Баденвайлер, душный номер,
ставшая вдовой жена,

труп писателя, что помер,
мрак, унынье, тишина.

Играли мы в рулетку с Достоевским

В Бад-Хомбурге, что в округе Дармштадта
и посреди земли с названьем Гессен,
играли с Достоевским мы когда-то
в рулетку, и не мог понять нас Герцен.
Он восклицал: к чему такие траты?!
И в колокол звонил на всю округу.
В Европе возмущались демократы,
дрожали монархисты с перепугу.

А мы вдвоем на фоне диких рож,
вошедши в раж, испытывая жар,
все ставили и ставили на rouge,
потом переключились на noir.

Был молод и роскошен Достоевский,
он знал секрет, как выиграть в рулетку.
Умело делал ставки он и дерзко
бросал на стол последнюю монетку.
И, не волнуясь за исход нимало,
по игровому полю взглядом шарил.
Его ничто вокруг не занимало,
Он лишь следил за тем, как скачет шарик.

И мы вдвоем, как будто лорд и пэр,
совсем уже не бедные теперь,
азартно ставки делали на noir,
а иногда срывались на impair.

Удачей мы всех в зале заражали,
вокруг мелькали радостные лица.
Наш выигрыш заслуживал скрижали,
но не хватало сил остановиться.
Мы двинули на поле груды денег,
и банк сорвать готов уже был классик,
оставив на столе последний пфенниг,
пообещав мне, мол, «последний разик».

Горой сверкало наше серебро,
и золото горело на столе,
но взяло все коварное zero,
мы оба оказались на нуле.

Когда-нибудь вернусь туда опять,
и отыграюсь, дайте только срок,
и закручу свою фортуна вспять.
Такой уж я отъявленный игрок.

Зеленоглазая Инесса

Что нам чудовища Лох-Несса?
Иль астероидов пролет?
Зеленоглазая Инесса —
Вот, кто покоя не дает.

Задам вопрос, как мирный житель:
Инесса, героиня-мать,
Ну что Вам стоило б, скажите,
Владимира охомутать?!

Ведь к счастью в жизни Вашей личной
Был ясен и недолог путь.
Чуть-чуть бы Вы поэнергичней,
Да понастойчивей чуть-чуть...

Вам следовало б только прежде
Об стол ударить кулаком.
Не оставлять его с Надеждой,
А смыться вместе и тайком.

И неудавшегося брака
Стерев злосчастное клеймо,
Бежать вдвоем из тьмы и мрака
Партийной школы в Лонжюмо.

Умчаться, скрывшись от погони,
От слез, скандалов, пошлых сцен.
В непломбированном вагоне
В Локарно. В Базель. В Берн. В Люцерн.

Жить там, где не грохочут залпы
Переворотов и войны.
Снять домик с окнами на Альпы
В плену озерной тишины.

Встречать закаты и рассветы,
Бродить по сказочным лесам.
Пить кофе поутру с газетой,
Прикусывая круассан.

Карабкаться на пару в горы,
Любуясь видами кругом.
Вести лишь об искусстве споры,
Не помышляя о другом.

Найдя в любви покой, спасенье

(камин, цветы, вязанье, плед),
Всю жизнь прожить без потрясений
И ре-во-лю-ци-он-ных бед...

Вот так, решившись в одночасье,
И не упрямясь, как ослы,
Себе составили бы счастье,
И, параллельно, мир спасли...

Конец конкистадора

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду...
«Путь конквистадоров»
Н.С.Гумилев

Весь день в тюрьме все было тихо,
вдруг дверь царапнули ключи,
и вот из камеры на выход
тебя окликнули в ночи.

– Мне книги брать с собой? – Не надо!
Ты понял все и побледнел.
На полигон под Петроградом
фургон помчался, полный тел.

Ты сквозь окно смотрел на небо,
тебя манили, как магнит:
Стамбул, Каир, Аддис-Абеба,
Бейрут, Джибути, Порт-Саид.

Дорогой вспоминал об Ане,
и Ларе Рейснер, что уж год
жена посла в Афганистане,
с Раскольниковым там живет.

Не верил в смерть свою упрямо,
хоть родилась в душе тоска.
Приехали – большая яма,
над ней прокинута доска.

Вот на нее все пять десятков
вставали в очередь свою.
Мгновенья эти длились кратко,
команда: – Пли! И ты в раю,

или в аду, бог в этом волен.
Смерть встретить с твердостью скалы
ты был готов, как рока долю.
Глядел в латышские стволы,

в своих привычках неизменен,
ведь жизнью рисковал не раз.
И взгляд был холодно надменен
расфокусированных глаз.

Нестройный залп был громко слышен,
сверкнув огнем издалека.
Влепились пули гроздью вишен
При свете фар грузовика.

Пронзило острой болью тело,
нетверд и шаток стал карниз,
и ты, взмахнув рукою белой,
свалился головою вниз.

В Бернгардовке, близ речки Охты,
где Лубьи устье и простор,
там испустил последний вздох ты,
путь завершив, конкистадо́р.

Двуликий Клаус

Я был издатель вдумчивый,
я был картежник опытный,
я был охотник пламенный,
поэт и гражданин.
До жен чужих был влюбчивый,
и, хоть все это хлопотно,
опасно и неправильно,
я дожил до седин.

Я в качестве редактора
был близок к оппозиции,
и с авторами спорил я,
как левый демократ.
Но в силу разных факторов
сдавал свои позиции,
со многими поссорился,
и поменял формат.

Знавал триумф выигрыша,
куш чувствовал заранее,
садился не расслабленным
за карты, был не глуп.
Не занимал в долг ни гроша,
играл со всем старанием,
и часто мной ограбленным
оказывался клуб.

Гостил в поместье Грешнево,
бил дичь ружьем Ланкастера,
бекасами и утками
был полон мой ягдташ.
Лишенный лоска внешнего,
в поэзии был мастером,
но пропадать мог сутками
у Дунек и Наташ.

Считая пьянство бременем,
бичом бил без сомнения,
и сетовал нахмуренно,
что, мол, крестьянин пьет.
И тем же самым временем,
отстраивал в имении
добротный винокуренный
и прибыльный завод.

Я жил старинным барином,
ценил все блага быта я:
любовь красивой женщины
и тонкий вкус вина.
С народом солидарен, но
судьба моя забытая,
была с удачей венчана,
и выпита до дна.

В делах я был стервятником,
а в творчестве – работником,
всё для себя, ни разу вы,
не скажете: – мерси!
По жизни был развратником,
до денег был охотником.
Живется нам, Некрасовым,
неплохо на Руси.

Точка невозврата – 26 января 1837 года

Просторный светлый кабинет
в большом особняке на Мойке,
там, вместо дружеской попойки,
сидит, нахмурившись, поэт.

Он отослал уже письмо
голландскому послу Геккёрну,
тот получил его наверно,
ведь за окном совсем темно.

А в том письме имел он честь
пролить немало желчи с ядом,
письмо должны доставить на дом
и оскорблений в нем не счесть.

Вкрапил их в текст поэт, сколь мог.
Бумага, впрочем, не краснеет,
коль уклониться сам посмеет,
ответит за отца сынок.

Министр Короля – барон
был аттестован старой сводней.
Ответ последует сегодня,
иль честь совсем утратил он.

Расставит точки все дуэль,
ждет пуля наглого француза.
С дипломатическим конфузом
Луи теряет свой портфель.

Исход – истории на суд,
поэт и сам ведь был повеса.
Теперь он ждет, что от Дантеса
формальный вызов принесут.

Не опустел пока Парнас,
не понесли еще утрату.
Сегодня точка невозврата,
а завтра – поединка час.

Перед дуэлью

В кондитерской у Вольфа-Беранже
В доху одет, за столиком один,
При входе справа в первом этаже,
Сидел однажды грустный господин.

На голове цилиндра черный столб,
Под ним лицо белело полотном.
Он, барабаня пальцами об стол,
Рассеяно поглядывал в окно.

Как будто сочинял любовный стих,
Слетали с губ неслышные слова.
Был господин задумчив, мрачен, тих,
И напряжен, как лука тетива.

Ему по виду было сорок лет,
Не скажешь, что изысканной красы.
Он то и дело пальцем лез в жилет
И доставал карманные часы.

Задвигались морщинки на лице,
Но, впрочем, страха нету и следа.
В кондитерскую входит офицер.
– Ну, что, готово? – Все готово, да.

Казалось, господин теперь был рад,
И выдало его сияние глаз,
Он заказал и выпил лимонад,
И произнес: «поехали, Данзас!»

Друзья поднялись, ящик прихватив.
В пустом кафе, пробив «четыре» дня,
Часы сыграли траурный мотив,
Кого-то прежде срока хороня...

За городом у Черной речки

За городом, у Черной речки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.